

Игорь ЛОСИЕВСКИЙ,
профессор филологии, поэт,
лауреат литературной премии
(г. Харьков)

СВЕТ «ВЕЧЕРИ»

Свою седьмую книгу Сергей Шелковский назвал «Вечеря», она столько что вышла в харьковском издательстве «Крок», через два года после большого тома «Избранного» — книги предварительных итогов. Остановись, современник, торопящийся неизвестно куда: поэт приглашает тебя к особенной — духовной трапезе. Может быть, ты кажешься самому себе сверхсовременным, с соевым и при компьютере, с выходом в Интернет. Но вот беда: «выход» этот далеко не всегда спасает от одиночества, душа черствеет и, как шагреновая кожа, убывает. А стихи лечат душу даже в наше сумеречное время. Когда, признаётся Сергей Шелковский:

*Без чары вечеря. Вино не греет вены,
И рук не греет ласковый обман.
Когда бы и настали перемены —
Их все уже оплакал Иоанн.*

Мир, возникающий на страницах «Вечери», до боли узнаваем, и поэт не жалеет обличительных эпитетов: «Собачья година, косматое время», «холоден века край». Но не гневом единым жив поэт. Разве стала бы вечной Книга книг, если бы всё в ней было полынь и желчь, как в Плаче Иеремии? Сергей Шелковский раз и навсегда — ещё в раннем детстве — был очарован миром, многоцветным и многозвучным чудом, ощутив свою причастность к явной и тайной жизни Природы, а со временем научился скреплять это чувство словом, впрочем, не усердствуя в учёбе, «почти не замечая ученья своего», как и должно поэту. Стихи всегда стихийны, и не может С. Шелковский безмолвствовать, когда, например, весенняя «ранняя капуста кудри взбила на лотке» и

*Гул цветочного базара,
Вёдер райские бока*

*И кавказского корсара
Клёкот — танец языка.*

В его стихах сошлись все четыре времени года: простёрлось «горбатое зимнее поле», и летает «бражник, пьяный от петуний». И снова лежит на земле «горящих клёнов барахло...» Но больше всего в книге золотисто-зелёного света, небесной сини, июльского жара — это любимая пора поэта. Автор «Вечери» зорек и по-доброму бережлив, а жизнь, о которой он уже многое знает, не перестаёт удивлять, то открываясь ему, то таясь:

*И всё верней я слышу тишину,
откуда мы явились не напрасно.
Едва ль зерно из житницы мне ясно,
Но я тому, что скрыто, присягну.*

С. Шелковый припадает к тайнам жизни, в стихах возникают отблески самого сокровенного. Многие из нас чувствовали нечто подобное, но как суметь это выразить? «Вечеря» запечатлела явленное в слове чудесное умение поэта быть духовно-образным даром, необходимым многим. Как родниковая вода и хлеб насыщенный. Это — праздничный дар, развившееся до предела чувство полноты жизни. Потенциальных «вкусителей» поэзии гораздо больше, чем тех, кто открывает поэтические сборники, потому что, говоря словами Пастернака, она во всём пытается дойти «до самой сути». И это — кредо человека творящего. Перестав творить, сохранился бы он сам как человек, избранник и наперстник мудрой Природы?

*Когда б не музыка, не травный ветер тихий,
Когда б не трепет сизопёрых крыл,
Я б с бабой злой, с судьбою-поварихой
И миски клейкой каши не сварил.*

Сергей Шелковый помогает усталому человеку конца второго тысячелетия (кто в шутку, а кто всерьёз говорит: конца нашей эры) остаться человеком, сохраниться. Сгущаются сумерки. Вечеря. Поэт собрал нас, веря в солнце завтрашнего дня.

Новые стихи С. Шелкового — после «избранного» — стихи поворота обновления творческой манеры, рождённые отвагой первопроходца, желанием изменить уже освоенные творческие

маршруты, хотя и не отрываясь от них, начать всё с самого начала, с «Завязи» — таково название первого раздела новой книги. И словно впервые, рождаются, неповторимо соединяясь, сверхпрочные, легчайшие слова.

*Эти о пространстве вирши
Множат лёгкость сквозняка.
Крестится, их сотворивши,
Грешная моя рука.*

Слова, обожжённые огнём души, удерживают драгоценную жизнь любимого человека — в стихах, посвящённых бабушке Марфе Романовне Шелковой: «Растаял век, не дав светлей признанья,/ Чем данное тогда твоим лицом». Вопреки тому, что утекает время, отпущенное судьбой, и уже отступила во тьму половина мира, бывшая явью в мальчишеском «прежде», в «июле легконогом».

Строка Шелкового, порой тяжелеющая, как медовая капля, снова и снова становится лёгкой, озорной, словно заговорённой детством — «неведеньем златым», отрочеством, юностью...

*У первой разлуки пронзительный вкус
Вина, чуть горчащего ядом.
«Пока...» — на полвека усну и проснусь. —
И мь, те же юные, — рядом.*

И ещё:

*Сентябрьский город летом обуян.
Зной щедро-золотист, как Илиада.
И я, от долгой молодости пьян,
Спать не смогу без новой капли яда.*

Неутолима жажда жизни, непреодолимо влечение к «бессильным и властительным словам» и ритмам, и это уже со-творчество с самим Творцом. Поэт близок к материализации словесно-образного мира, когда сдвигает, соединяет его с миром предметным, обращаясь к «щеглам-стансам» и «чижам-ямбам», признаваясь, что снова хочется ему «хорея, снега, хруста, свежины»...

С. Шелковый дорожит и реальными пространствами. Современная Украина, Слобожанщина и Крым — здесь пребывает его муза. В новой книге возникают также образы Чехии и Германии,

«Фламандские прогулки», но есть и путешествия по историческому времени-пространству — в Петербург Достоевского, в Майнц Гуттенберга, в библейские времена («Юдифь»). Поэт всматривается в семейную родовую историю: «Яковлевы, Кулешовы — / Позабытая братва... Снег — Зазимки, Дым — Гаркуши... Еле веющие души / Преддыхание меня». «Переплески пространства и времени / Неизбывное в смертных глазах»... Путешествия поэта во времени и пространстве неизменно возвращают его на «малую родину», в любимый город, становящийся судьбой:

*На Рымарскую улицу вернёмся —
к листве лимонной чёрного двора,
в далёком дне средь осени проснёмся
и снова будем молоды с утра.*

*И удивимся вновь живучей сини
над копотью дворовых чердаков.
В кривом окне на хрупкой мандолине
играет мальчик жилками висков.*

*И вновь мы будем теми, кем не стали,
и снова нам сулит звезду достать
плебейский город — из травы и стали,
босяцкая и ангельская стать...*

Опасное это искусство — быть поэтом, вызывать на себя, сопереживая словом, человеческие боли и радости, покидать «вольнo-зелёный простор», погружаться даже в квартирные дразги и верить, что самые, казалось бы, безвыходные тупики в отношениях между людьми могут быть преодолены: «Себялюбий мышиная ссора / тишине да не тронет уста». Для поэта человеческое в человеке начинается с вечного, с зароненной в его душу искры Божьей. И тем более печалит его непонимание между близкими, «неловко-родными» людьми: «Не позднее и не раннее, / но вечное стонет в них...»

Автор «Вечери» мог бы повторить вслед за Маяковским: «Я знаю силу слова...» Букварь, взрастивший Сергея Шелкового, — всемирный. Здесь нашлось место и шумерской клинописи, и древнеегипетским иероглифам, альфе и омеге греческих пергаментов и пахнущему свежей типографской краской шрифту гуттенберговской Библии («Буквы»):

*О слишком много в ней заключено —
В коровке Божьей, в буквице священной!
Дымится слова красное вино —
Целит молитвой и горчит изменой.*

Поэзия сродни молитве, но, повторим вслед за Шелковым, — опасное это искусство — быть поэтом, когда

*Дано неукротимое уменье
На глине замесить стихотворенье,
Зачать слова уже не от ребра —
От кровеотворяющего ритма...
И лишь тогда рождается молитва,
Когда на жизнь и смерть идёт игра...*

У С. Шелкового нет ни тени самодовольства, скорее наоборот — с неподдельной тревогой звучит в его строках чувство творческой неудовлетворённости, острое желание доподлинно расслышать то, что ему предназначено слышать («Имеющий уши да услышит»), и передать дальше.

*Меньше иллюзий и больше тревог —
это всего лишь обычная старость.
Песня не сладилась, слов не осталось.
Стало быть, не захотел и не смог.*

*Холоден и неприветлив итог —
мир немоты оказался сильнее.
Только что делать, что делать мне с нею —
с нежностью меж умирающих строк?*

Разве финальная строчка этого стихотворения позволит усомниться в том, что поэт Сергей Шелковый продолжается? «Вечеря» — живое свидетельство тому, что его поэтическая судьба, говоря его же словами, это — «взаправду путь». Это подтверждают и стихи С. Шелкового 60-х гг., здесь впервые напечатанные.

*Не спрятаться в соломе, не сойти
Со звёздно-каменистого пути,
Пока клубок горячего дыханья
Лохматую дворянкой жив в груди...*

Последний раздел «Вечери» — прозаический, но это — проза поэта, насыщенная образами, метафорами, ритмами. Художнические штудии, в которых — попытка предельного приближения к двум великим поэтическим личностям XX века — к Мандельштаму и Чичибабину. Предпринятое Сергеем Шелковым исследование, одновременно, — признание в любви, возникающей из постоянно обогащающегося чувства родства. С О. Мандельштамом, обладавшим, по меткому замечанию С. Шелкового, «сверхчувственным инстинктом звуколюбия», с Б. Чичибабиным, ещё одним гениальным звуколюбом, «Духоборцем».

И вот о чём ещё подумалось в связи с «Вечерей». На пороге двадцать первого века быть словом и при этом сохранить свою творческую индивидуальность — какая трудная задача! Как-никак, более двух с половиной тысяч лет вновь ступающие на «звёздно-каменистый путь» рискуют повторить своих предшественников, начиная с Гомера. Трудно писать стихи харьковчанину, живущему в самом конце века, п о с л е Чичибабина, а точнее, уже п р и нём, — потому что великие поэты не умирают. Наш автор отважился на это, обретя в Чичибабине учителя, старшего друга, брата в стихе, признавшего и его таковым. А мои заметки на полях «Вечери» (кстати говоря, превосходно оформленной харьковской художницей Евгенией Моргулян) — только наброски к портрету самобытного русского, слобожанского поэта Сергея Шелкового.

1999 г.